

**ЭВОЛЮЦИЯ СТАЛИНСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
СТАТЬЯ 1 ***

Рассматриваются основные направления и этапы эволюции сталинской модели социальной мобилизации. Выявляются различные точки зрения на эту проблему, для чего анализируется широкий круг отечественных и зарубежных публикаций. Основное внимание уделяется эволюции сталинского режима в послевоенные годы (1945–1953). Обращается внимание на ограниченность концепции об «апофеозе тоталитаризма» в этот период. Вместе с тем высказываются сомнения по поводу «либерализации» позднего сталинизма.

Ключевые слова: сталинизм, мобилизационная модель, эволюция, «апофеоз тоталитаризма».

Важной новацией современной историографии является концепция о «мобилизационном характере» сталинской системы (см., например: [Красильников, 2011]). Если в целом признание мобилизационного характера сталинской системы постепенно занимает в исторической литературе все более фундаментальное место, то эволюция этой модели почти не исследована. Данный процесс раскрыт преимущественно на материале 1930-х гг. Гораздо слабее эволюционные тенденции сталинского режима прослежены применительно к последующему периоду. С учетом этого в данной статье предполагается сосредоточиться на выявлении его трансформации в послевоенные годы (1945–1953).

Характеризуя в целом историографическую ситуацию, следует напомнить, что И. В. Сталину и сталинизму посвящено огромное количество трудов, которые однако весьма неравномерно охватывают различные этапы развития данного феномена, при этом нередко преобладают общие характеристики сталинизма как некой константы без учета его эволюции. Такая ситуация нашла рельефное отражение в наиболее обобщающей историографической

работе по данной теме – книге Джона Кипа и Алтера Литвина [2009]. Первый из авторов – профессор университета в Торонто (в настоящее время проживает в Швейцарии), второй – профессор Казанского университета. Из более чем 300 страниц этой работы лишь считанные специально посвящены послевоенному периоду, причем их аналитический уровень разочаровывает. Так, в главе шестой фигурирует раздел «ГУЛАГ и послевоенный террор», где приводится довольно хаотичная информация. Здесь нередко повторяются расхожие штампы как некая очевидность и игнорируется дискуссионность многих вопросов.

На современном этапе, видимо, наибольшим успехом в изучении «позднего сталинизма» являются не исследовательские труды, а издания документов. Из них наиболее фундаментальна публикация документов Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР [Политбюро..., 2002]. Она вышла в серии «Документы советской истории» и является, быть может, наиболее ценным изданием такого рода не только применительно к 1945–1953 гг., но и ко всей послевоенной истории.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00506а).

Значительную ценность представляет также документальное издание о позднесталинской повседневности [Советская жизнь..., 2003]. При этом для него характерен типичный недостаток: в книге представлены материалы в основном о жизни «простых людей» и почти нет данных о жизни «элиты», между тем понять общую картину можно лишь в сопоставлении двух социальных полюсов. То же самое можно сказать по поводу документальной публикации о денежной реформе 1947 г. [Денежная реформа..., 2010].

Из числа монографий по данному периоду нет ни одной фундаментальной работы, наиболее же обобщающий характер носят две из них. Первая – книга А. А. Данилова и А. В. Пыжикова [2001]. Оба автора – доктор исторических наук, А. А. Данилов в момент публикации был заведующим кафедрой МГПУ, А. В. Пыжиков – помощником премьер-министра РФ. Последний – автор целого ряда книг о политической жизни позднего сталинизма и оттепели. Главным достоинством работы является охват всех основных аспектов рассматриваемого периода, однако, поскольку монография является относительно небольшой, она имеет несколько эскизный характер.

Вторая работа – книга О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого [2011]. О. В. Хлевнюк – один из ведущих в настоящее время исследователей сталинизма, доктор исторических наук, сотрудник ГАРФ. Йорам Горлицкий – профессор Манчестерского университета (Великобритания). Разумеется, названный труд посвящен прежде всего политическим аспектам послевоенного развития, хотя в нем затрагивается и социально-экономическая тематика. Однако, как и в предшествующем случае, в силу небольших размеров монографии все это несет отпечаток эскизности: ни один социально-экономический вопрос не подвергается комплексному анализу.

Наиболее фундаментальные монографии по данному периоду не носят обобщающего характера – они посвящены его отдельным аспектам. Из их числа на первое место следует поставить книгу Г. В. Костырченко [2010], которая основана на богатой источниковой базе. При этом автор выходит за рамки заявленной, относительно частной темы, в сущности, характеризуя в целом эволюцию позднесталинского политического режима

Значительную ценность представляет также монография Е. Ю. Зубковой, где прослеживается взаимосвязь политики и повседневности [1999].

Процессы эволюции сталинской системы в послевоенные годы правомерно проследить прежде всего в сфере экономического развития, в первую очередь, – в контексте индустриального роста. В настоящее время имеется единственная обобщающая работа об экономической политике этого периода – монография В. П. Попова [2002]. Автор – доктор исторических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Разумеется, в этой небольшой работе данный сложный комплекс вопросов освещается фрагментарно.

В существующей литературе при характеристике хода индустриального развития в рассматриваемый период приводится некоторый набор общепринятых данных, которые, в случае их достоверности, говорят о чрезвычайной динамичности послевоенного индустриального роста. Так, отмечается, что в ходе восстановительного процесса уже в четвертом квартале 1947 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства. За четыре года четвертой пятилетки было восстановлено и вновь построено 6 200 крупных промышленных предприятий, производство средств производства выросло в два раза, в том числе продукции машиностроения – в 2,3 раза.

В некоторых новейших публикациях достоверность подобных данных поставлена под сомнение. Так, в обобщающей работе, изданной Институтом экономики РАН, утверждается: «По официальным данным, довоенный уровень промышленного производства был восстановлен в 1948 г., а в 1950 г. промышленность произвела продукции на 70 % больше, чем в 1940 г. Причем, по расчетам некоторых современных исследователей, довоенный уровень национального дохода был восстановлен только в 1950 г., да и официальные цифры динамики промышленного производства за это время нуждаются в уточнении» [Экономическая история мира, 2008. С. 91]

Следует отметить, что вопрос о достоверности советской экономической статистики десятилетиями обсуждался на Западе – не только историками, но и аналитиками ЦРУ. В годы «перестройки» эта проблема наиболее фундаментально была рассмотре-

на в трудах Г. И. Ханина [1991; 1993]. Он оспорил общепринятый показатель о росте за советские годы ВВП в 90 раз и пришел к выводу о десятикратном завышении этой цифры. К сожалению, Г. И. Ханин не опубликовал соответствующие коррективы по отдельным периодам, в том числе по послевоенным годам.

Как бы то ни было, даже если официальные показатели завышались, возрождение страны было реальностью. Важнейшая проблема, которая в настоящее время нуждается в новом осмыслении, – вопрос о факторах и ресурсах такого динамичного роста. Необходимо, в частности, сопоставить роль таких факторов, как патриотизм, самоотверженность народа и возможности централизованной экономики, максимальной концентрации всех ресурсов на решающих направлениях развития, организованность и дисциплина кадров. Особенно сложной и актуальной является оценка эффективности существовавшей политической системы в решении социально-экономических задач этого периода. Был ли сталинский режим важнейшим фактором успешного решения общенародных задач восстановления или, напротив, уже тогда служил тормозом развития страны? Имеющиеся в настоящее время публикации не позволяют однозначно ответить на этот вопрос, а, скорее, очерчивают лишь некоторые альтернативные подходы.

Прослеживаются следующие наиболее распространенные версии.

1. В советской историографии (в послевоенную эпоху) в качестве основного фактора успешного решения послевоенных задач назывались «преимущества социалистического строя» и патриотизм народа.

2. Современные апологеты сталинизма подчеркивают высочайший уровень дисциплины и квалификации кадров плюс «гений Сталина». Так, скандальную известность получила формула А. В. Филиппова «Сталин – эффективный менеджер» в учебном пособии для учителей [2007. С. 35].

3. Господствующее сейчас либерально-антикоммунистическое направление делает акцент на авторитарно-репрессивном характере режима, принудительном труде и т. п.

Не вступая в полемику с этими подходами, ограничимся гипотезой о том, что решающее значение имел мобилизационный характер системы, т. е. возможность небы-

валой, не имеющей аналогов, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, в том числе за счет предельного ограничения сферы жизнеобеспечения.

Из всех факторов роста сталинской экономики наибольшее внимание в историографии уделено принудительному труду, прежде всего – ГУЛАГу. Напомним, что в конце сталинской эпохи в нем содержалось порядка 2,5 млн заключенных (в том числе около 500 тыс. «политических»), осужденных по 58-й ст. УК

В настоящее время лагерная система все больше изучается не только как репрессивный инструмент, но и как хозяйственный организм. Эта тема исследуется в ряде фундаментальных публикаций, из которых особо следует отметить монографию Г. М. Ивановой [2006] и сборник статей об экономике ГУЛАГа [ГУЛАГ..., 2005]. Последняя работа в 2008 г. была переиздана в серии «История сталинизма». Особый интерес в ней представляет статья О. В. Хлевнюка «Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, развитие».

Предприняты попытки дать итоговые оценки развития «экономики ГУЛАГа», – здесь особенно выделяется фундаментальная статья В. А. Козлова. Автор обосновывает вывод о кризисе в конце сталинского правления системы ГУЛАГа, в том числе в результате нарастающего сопротивления его узников, наиболее ярким выражением чего стало «повстанчество и лагерное подполье» [2004].

Последовательно развивается эта версия в документальном издании о роли ГУЛАГа в строительстве энергетических объектов. В его вводной статье, в частности, утверждается: «К концу сталинского правления все более очевидным становится кризис собственно сталинской лагерной системы, в том числе экономики принудительного труда. <...> Важнейшим и первостепенным свидетельством общего кризиса сталинского ГУЛАГа был повсеместный лагерный бандализм и широкое распространение массовых волнений и бунтов заключенных» [Заключенные..., 2008. С. 27–28].

Как известно, сталинская система принудительного труда далеко не ограничивалась ГУЛАГом. В связи с этим следует напомнить о длительной дискуссии историков по поводу общего количества репрессированных. Наиболее рьяные «разоблачители ком-

мунизма» приводят невероятные цифры – до 62 млн. Апологеты сталинизма, напротив, склонны занижать этот показатель, примером чего может служить упоминавшееся учебное пособие А. В. Филиппова. Там утверждается: «Определенную роль сыграло также использование труда заключенных и военнопленных. Однако эту роль не следует преувеличивать: максимальное население ГУЛАГа составляло 2,6 млн (в 1950 г.), в то время как общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялась 40,4 млн» [2007. С. 31]. Как видим, в данном случае автор не называет количества военнопленных и «забывает» о других сегментах армии принудительного труда, например о спецпоселенцах.

Вопрос об общей численности военнопленных в СССР является дискуссионным, различные точки зрения по этому поводу наиболее детально рассмотрены в монографиях В. Б. Конасова [1996], С. Г. Сидорова [2001], статье А. Л. Кузьминых [2010]. Согласно этим данным, наиболее вероятный показатель общей численности военнопленных из армии Германии и ее союзников – 3,12 млн; к этому следует добавить 546 тыс. японцев. В конце 1945 г. за предприятиями и стройками было закреплено свыше 2 млн военнопленных, к 1948 г. – около 1 млн, к 1949 г. в лагерях МВД содержалось 543 тыс. военнопленных.

Третьим наиболее массовым сегментом армии принудительного труда являлись спецпоселенцы (к этому времени – в основном этнические депортанты): к концу сталинской эпохи их было 2,75 млн. Такие данные приводятся в наиболее фундаментальном исследовании об этой категории – монографии В. Н. Земскова [2003. С. 175].

Следует также иметь в виду, что кроме названных трех «классических» форм принудительного труда широкое распространение имели его более завуалированные формы, например «трудмобилизованные», военно-строительные части и т. п. Если же вспомнить о серьезных элементах несвободы у основных групп населения (отсутствие паспортов у колхозников, запрет на уход с предприятия у рабочих и т. д.), то правомерно ставить вопрос именно о системе принудительного труда. Ясно, что она носила чрезвычайно разветвленный и многообразный характер (это в перспективе требует

комплексного анализа). В качестве одного из первых шагов в этом направлении следует отметить статью А. Б. Сусллова [2004].

Немалый интерес представляет вопрос о внешних ресурсных источниках, из которых наибольшее значение имели репарационные поставки из Германии и ее бывших сателлитов. В большинстве работ отмечается, что они составили примерно 10 % понесенного нами ущерба. Конкретная же роль репараций в различных сферах экономики нуждается в дальнейшем изучении. Видимо, единственной специальной работой на эту тему является книга П. Н. Кнышевского. Автор, в частности, показывает, что масштабы вывоза немецкого имущества были гораздо большими, чем это обычно признается, в том числе немалая его часть попадала в частные руки, обогащала военно-бюрократическую верхушку. В книге впервые приводится постановление ГКО от 9 июня 1945 г., упорядочившее «раздачу трофеев» [1994. С. 120].

Определенное значение немецкие ресурсы (в том числе запасы урана) имели для реализации главной военно-технической проблемы послевоенного времени – создания атомного оружия. Особенно же велика роль данного фактора была в создании ракетного оружия, хотя ведущие специалисты в этой сфере во главе с Вернером фон Брауном оказались в руках американцев. Тем не менее доставшиеся нам ракеты Фау-2 и многое другое сыграли свою роль, о чем свидетельствуют недавно опубликованные уникальные документы – две докладные записки, направленные И. В. Сталину в июне 1946 г. В первой из них министр авиационной промышленности М. В. Хруничев выдвигал задачу создания пилотируемой космической ракеты путем совершенствования Фау-2. Во второй министр вооружений СССР Д. Ф. Устинов сообщал о результатах изучения работ по реактивному оружию в Германии [Задача..., 2010. С. 51–56].

Важные данные о формировании репарационной программы содержатся в недавно вышедшей работе А. М. Филитова – ведущего специалиста по истории российско-германских отношений. Он, в частности, показал, что первоначально в отношении поверженной Германии предполагались гораздо более жесткие меры (предложения «комиссии И. М. Майского»), в том числе изъятие до 75 % мощностей тяжелой про-

мышленности, широкое использование немецкого труда (5 млн «трудообязанных» ежегодно), интернирование всех функционеров НСДАП общей численностью 600 тыс. чел. и т. д. Все это было решительно смягчено, поскольку Сталин в перспективе рассматривал Германию как противовес США [Филиптов, 2009. С. 58–67].

Весьма важен и вместе с тем сложен вопрос о том, была ли преимущественная ориентация на внутренние ресурсы предельно разоренной страны единственным – наиболее мучительным для народа – вариантом послевоенного восстановления. Это, в свою очередь, определяется оценкой причин развязывания «холодной войны». Как известно, советская историография возлагала ответственность за послевоенную конфронтацию на правящие круги США, сейчас же много говорится об «агрессивности Сталина».

Для осмысления рассматриваемого периода важна объективная оценка научно-технических достижений первых послевоенных лет, которые концентрировались прежде всего в сфере военно-промышленного комплекса. Известно, что в те годы было создано атомное оружие, активно развернулась разработка ракетного оружия. «Атомный проект» послевоенных лет стал самой грандиозной научно-технической эпопеей в отечественной и, быть может, мировой истории.

Весьма сложен вопрос о факторах его успешной реализации и его воздействии на общее состояние научно-технического прогресса в стране. Огромный интерес – не только в контексте истории, но и современной модернизации – представляет вопрос о предпосылках успешного и рекордно быстрого создания «оружия возмездия». Как разоренная страна, значительно уступавшая своему геополитическому противнику – США, смогла решить эту невероятно сложную задачу?

В общем плане очевидно, что это было обусловлено ранее отмечавшимися особенностями «мобилизационной системы», ее способностью к предельной концентрации всех ресурсов на немногих приоритетных направлениях.

Создание ядерного оружия потребовало беспрецедентной мобилизации лучших интеллектуальных и организационных сил. Известно, что научным руководителем исследований по урановой проблеме был

И. В. Курчатов, а практически все видные ученые принимали участие в этой работе. Секретность, до сих пор окутывающая многие аспекты атомного проекта, не позволяет в полной мере оценить вклад ряда из них, тем не менее в последние годы многое стало известно. Так, стало известно о заметной роли в нем «отцов-основателей» Сибирского отделения Академии наук, в том числе С. Л. Соболева и, возможно, М. А. Лаврентьева.

Управленческие функции в атомном проекте осуществляли такие известные руководители промышленности, как Б. Л. Ванников, В. А. Малышев, М. Г. Первухин, А. П. Завенягин и др. Возглавлял ее «самый эффективный менеджер» – Л. П. Берия.

В этом контексте некоторые вопросы вызывает интервью Л. Д. Рябева [2009]. Лев Дмитриевич Рябев в советское время был одним из руководителей ВПК, в том числе министром «среднего машиностроения» (атомной отрасли). Он подчеркивает высочайший организационный уровень «атомного проекта», актуальность реализованных в нем управленческих подходов и для нашего времени. Речь идет, в частности, о системности, комплексности, единстве фундаментальных и прикладных исследований, конструирования и производства. Однако при этом в интервью нет даже намека на ранее отмеченный социально-исторический контекст проекта: можно подумать, что его осуществляли не Берия и ему подобные.

Уважаемому ветерану был задан и следующий вопрос: «Одни считают, что работа над атомной бомбой задержала развитие страны. Другие убеждены, что она подняла уровень промышленности. Как вы считаете?». На это последовал ответ: «Я разделяю вторую точку зрения. Создание оружия потребовало новых подходов, технологий, материалов». В общем плане это убедительно, однако никаких конкретных доказательств влияния «атомного проекта» на общий уровень нашей промышленности здесь не приведено.

Помимо этого основного ресурса – мобилизационных возможностей системы, в той или иной мере указывается еще целый ряд факторов. Так, С. Г. Кара-Мурза в качестве важной предпосылки научно-технического прорыва отмечал особенности научного сообщества тех лет. В его трактовке, то время можно характеризовать как «героический

период» нашей науки, когда авторитарное давление на нее в какой-то мере блокировалось сообществом крупнейших ученых, независимых в мыслях и действиях. В последующий же период активизируется процесс бюрократизации науки, на место «ареопага избранных» приходят ученые-функционеры, настроенные конформистски по отношению к существующей власти, что в конечном счете и привело к падению эффективности отечественной науки [Кара-Мурза, 1989].

Существенным новшеством в настоящее время является обращение к социально-политическим и культурно-идеологическим аспектам атомного проекта. Особую ценность в этом плане представляют две фундаментальные публикации [История советского атомного проекта..., 2002; Научное сообщество..., 2005]. В первой из них имеется специальный раздел «Социокультурные аспекты атомного проекта», где выделяется статья В. П. Визгина «Феномен “культы атома” в СССР (1950–1960-е гг.)». В другом разделе этой книги («Люди и институты») выделяется коллективная статья «Студенческие выступления 1953 г. на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта».

Большой интерес представляет вопрос о социальных последствиях «атомного проекта, в том числе о значении предпринятых в это время беспрецедентных мер по повышению жизненного уровня научных работников. Обычно это трактуется так: убедившись в колоссальной роли физиков-атомщиков, Сталин распространил свое благоволение на всех ученых, что стало важным фактором наших научно-технических достижений.

Так, 6 марта 1946 г. СНК СССР принял постановление «О повышении окладов работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий». Благодаря этому и ряду других решений научная интеллигенция стала одной из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Достаточно отметить, что старшие научные сотрудники в месяц получали от 2 200 до 4 000 руб. (в зависимости от ведомственной принадлежности института, научной степени). Еще выше были оклады ведущих ученых (так, президент АН СССР получал 30 000 руб. в месяц). В то же время зарплата инженера составляла 1 000–1 100 руб., врача-терапевта – 805 руб., а в целом по народному хозяйству в 1950 г.

средняя зарплата равнялась 646 руб. (см.: [Зезина, 1997. С. 21–22; Советская жизнь..., 2003. С. 501]).

Нестандартную версию о последствиях названных решений выдвинул известный ученый-энергетик академик Александр Ефимович Шейндлин. Его книга вышла в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Издание трудов выдающихся ученых под грифом Объединенного института высоких температур РАН. Названный автор утверждает: «Мне вспоминается довоенная пора – по-своему “золотой век” развития нашей науки. В то нелегкое время молодые люди с “подвижным” характером, изголодавшиеся по знаниям, стремились к научной деятельности из-за подлинного увлечения ею. Материальное положение ученых было тогда сравнительно невысоким <...>. После войны в одночасье, как это любил делать Сталин <...> было принято решение о необычайно значительном укреплении материального положения работников науки <...> Вслед за этим решением в науку косяком пошли пробивные молодые люди <...> оттеснили по-настоящему талантливых людей...» [Шейдлин, 2006. С. 351–352].

Не менее важен вопрос о политико-идеологических последствиях «атомного проекта», на что одним из первых указал американский историк Джордж Холловэй. По его версии, «незаменимость» физиков-ядерщиков вынудила правящие круги с определенной снисходительностью относиться к проявлениям свободомыслия в их среде. Не удивительно, что в постсталинский период именно в этом кругу зарождается политическая оппозиция, самым ярким примером чего стала деятельность А. Д. Сахарова. Дж. Холловэй образно назвал этот феномен «атомным зонтиком» [1997. С. 175]. В порядке развития данной гипотезы можно предположить, что, всемерно поддерживая ядерную физику, режим тем самым невольно вырастил своего «могильщика».

По-разному оцениваются итоги экономического развития в первые послевоенные годы. Наиболее распространенная точка зрения заключается в следующем: СССР имел высокие темпы индустриального роста, что позволило осуществить послевоенное восстановление. Однако это касалось преимущественно тяжелой промышленности, ВПК и осуществлялось за счет других

отраслей экономики (легкой промышленности, сельского хозяйства) и жизненного уровня народа. При этом рост определялся прежде всего экстенсивными факторами (вовлечением новых ресурсов, в том числе принудительным трудом). Отдельные научно-технические прорывы (например, «атомный проект») влияли только на ВПК и никак не сказывались на общем состоянии промышленности. Такая модель, в сущности, являлась продолжением довоенного вектора развития («ранней индустриализации») и не имела исторической перспективы, к концу сталинской эпохи исчерпала свой потенциал.

Так, в одном из наиболее известных обобщающих трудов по истории СССР – книге американского автора Мартина Малия утверждается: «В экономике <...> была восстановлена система производства, существовавшая в 30-е годы. Как и раньше, упор делался на тяжелую промышленность, в особенности на металлургию, а легкая промышленность и производство товаров широкого потребления оставались на втором плане» [2002. С. 314].

Одним из наиболее характерных примеров такой трактовки являются работы В. П. Попова. В его интерпретации, «неизменность довоенного курса на первоочередное и преимущественное развитие тяжелой промышленности» получила наиболее последовательное обоснование в известной речи И. В. Сталина перед избирателями 9 февраля 1946 г. [2001].

В свою очередь, в упоминавшейся монографии названного автора утверждается: «Послевоенный рост промышленности, о котором сообщалось как об очередном успехе советской экономической политики, не привел ни к каким структурным изменениям ни в экономике, ни в обществе. Успешная реализация атомного проекта ложилась тяжелым бременем на неэффективную советскую экономику, еще более усугубляла разрыв между военно-промышленным комплексом и гражданскими отраслями. <...> Все технические новшества внедрялись в промышленное производство максимально медленно и при максимальных социальных затратах» [Попов, 2002. С. 154–155].

Еще более радикальные суждения по этому поводу прозвучали на круглом столе «50 лет без Сталина», проведенном в марте 2003 г. в Институте российской истории

РАН. Выступивший там профессор Василий Семенович Лельчук, один из наиболее известных исследователей промышленного развития СССР, заявил, что возвращение в рассматриваемый период к «довоенной модели» означало, что в СССР не было «настоящей индустриализации» (техническая реконструкция не дополнялась соответствующими социальными изменениями) [50 лет без Сталина, 2004. С. 202–203]. Названный автор также дал своеобразную интерпретацию развития ВПК: по его версии, в послевоенные годы главным вектором было не столько восстановление экономики, сколько создание основы современного военно-промышленного комплекса [Лельчук, Молодцыгин, 1995. С. 141].

В связи с этим можно отметить, что в настоящее время появились фундаментальные исследования по истории советского ВПК, прежде всего монографии Н. С. Симонова [1996] и И. В. Быстровой [2000]. В них решающий этап в формировании советского ВПК связывается с постсталинским периодом.

В рамках обозначенной основной концепции некоторые авторы интерпретируют экономическую динамику послевоенного сталинизма в альтернативном контексте. Так, Г. М. Иванова отмечает «возврат к модели экономического развития 30-х гг., на которой настаивали, в первую очередь, Сталин, Берия, Маленков» [1997. С. 112].

Наиболее последовательно версия о сформулированной, но нереализованной альтернативе экономического развития проводится в упоминавшейся монографии А. А. Данилова и А. В. Пыжикова. Там утверждается: «Первые послевоенные годы характеризовались попытками формирования политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления». По мнению названных историков, эта инициатива исходила прежде всего от Н. А. Вознесенского, и его устранение в ходе «ленинградского дела» имело роковые последствия для наметившейся альтернативы [Данилов, Пыжиков, 2001. С. 215–219].

Наряду с рассмотренной, наиболее распространенной оценкой послевоенного экономического развития, прослеживается еще одна трактовка: некоторые авторы говорят о «кризисе сталинской экономики». Эта версия декларируется, правда, без развернутого

обоснования в упоминавшейся книге О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого. Авторы утверждают: «Инвестиционная политика конца 1940-х – начала 1950-х гг. породила замкнутый круг противоречий. Нарращивание затрат увеличивало потери в незавершенном строительстве, а это в свою очередь требовало дальнейшего наращивания вложений и вело к росту “незавершенки”. В 1951–1952 гг. обозначилась невозможность наращивания инвестиций для поддержания такого круговорота. <...> Новый виток форсированной индустриализации зашел в тупик» [2011. С. 170–171].

Это же говорится в книге об «энергетическом ГУЛАГе». В частности, во вводной статье этого издания утверждается: «В 1949–1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемого МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. 9 % общих государственных капитальных вложений. В значительной мере столь высокие темпы были следствием общего экономического курса, отмеченного в последние годы жизни Сталина форсированием капитального строительства и вложений в тяжелую промышленность. Скачкообразное наращивание капитальных работ вызвало перегрев экономики и усилило в ней кризисные явления. В незавершенном строительстве омертвляли огромные и все возрастающие ресурсы, что, в свою очередь, требовало прогрессирующего наращивания капиталовложений; нарастали бюджетные проблемы, очевидным образом усиливалась деградация сельского хозяйства и социальной сферы. Кризисная ситуация в экономике МВД была частным случаем этого общего кризиса...» [Заключенные..., 2008. С. 27–28].

В противовес этим негативным оценкам, отдельные авторы весьма высоко оценивают экономическую динамику позднесталинского периода. Правда, такого рода суждения носят преимущественно публицистический характер, – нам не известно ни одной работы, где бы давалось конкретно-историческое обоснование обозначенной позиции. Наиболее настойчиво такого рода версия повторяется в периодических изданиях «национал-патриотического» («почвеннического», «неославянофильского») направления, в частности в журнале «Наш современник» и газете «Завтра». Многим их публикациям присуща безудержная и в общем-то доволь-

но наивная апологетика сталинской системы в соответствии примерно с такой логикой: если сейчас у власти «предатели» и «воры», то при Сталине был «порядок», «патриотизм» и т. п. Все типичные штампы этого направления наиболее яркое выражение нашли в книге известного политолога С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», впервые опубликованной в 2002 г. и затем неоднократно переиздававшейся [2002. С. 5–28].

С апологетическими оценками позднесталинской индустриальной динамики выступил также ряд представителей экономической науки. Наиболее характерна здесь позиция упоминавшегося Г. И. Ханина: он всячески превозносит «экономический триумф» 1950-х гг., а дальнейший перелом к худшему связывает с отказом от прежних оптимальных методов хозяйственного управления, прежде всего – с ослаблением плановости. Поскольку все эти столь превозносимые им «преимущества социалистической экономики» получили наиболее законченное выражение в сталинскую эпоху, то можно сделать вывод, что до «оттепели» наша экономика двигалась в правильном направлении и, разумеется, о каком-то ее «кризисе» не может быть и речи [Ханин, 2001].

Итак, адекватная оценка итогов социально-экономического развития в период позднего сталинизма возможна лишь с учетом сложности рассматриваемых процессов. Не менее важно принимать во внимание его различные аспекты: вряд ли правомерно ограничиваться лишь констатацией высокой динамики индустриального роста. Необходимо в полной мере учитывать социальные аспекты этого развития, его влияние на повседневную жизнь основной массы населения.

Список литературы

Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х гг.). М., 2000. 325 с.

ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. 705 с.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. 304 с.

Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы. М., 2010. 791 с.

Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1953 гг.): Сб. док. М., 2010. 1207 с.

Заклученные на стройках коммунизма: ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов. М., 2008. 471 с.

Зезина М. Ф. Материальное стимулирование научного труда в СССР. 1945–1985 // Вестн. Российской академии наук. 1997. Т. 67, № 1. С. 19–23.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960. М., 2003. 306 с.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. 230 с.

Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. 257 с.

Иванова Г. М. История ГУЛАГа: социально-экономические и правовые аспекты. М., 2006. 354 с.

История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. М., 2002. Вып. 2. 391 с.

Кара-Мурза С. Г. Проблемы истории советской науки // Вопр. философии. 1989. № 4. С. 57–67.

Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2002. Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. 686 с.

Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография: Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 328 с.

Кнышевский П. Н. Добыча: тайны германских репараций. М., 1994. 142 с.

Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 95–109; № 6. С. 122–136.

Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция. М., 2010. 415 с.

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты. Вологда, 1996. 320 с.

Красильников С. А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестн. Новосиб. гос.

ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 10: История. С. 40–46.

Кузьминых А. Л. Труд военнопленных в развитии экономики СССР: 1939–1956 // Вопр. истории. 2010. № 8. С. 131–141.

Лельчук В. С., Молодцыгин М. А. Послевоенная конверсия // СССР и холодная война. М., 1995. С. 135–147.

Малия М. Советская трагедия: история социализма в России. 1917–1991. М., 2002. 584 с.

Научное сообщество физиков СССР, 1950–1960-е годы: Документы, воспоминания, исследования / Сост. и ред. В. В. Визгин, А. В. Кессених. СПб., 2005. Вып. 1. 719 с.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. 656 с.

Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–74.

Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). 2-е изд., испр. М., 2002. 158 с.

50 лет без Сталина: Круглый стол в Институте российской истории, март 2003 г. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 195–206.

Рябев Л. Д. Интервью // Природа и человек: Журнал для неравнодушных. 2009. № 4. С. 28–29.

Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР: 1939–1956 гг. Волгоград, 2001. 508 с.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. 325 с.

Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. 720 с.

Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х гг.: спецконтингент // Вопр. истории. 2004. № 3. С. 125–134.

Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. 270 с.

Ханин Г. И. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск, 1993. 158 с.

Ханин Г. И. 50-е годы: десятилетие триумфа советской экономики // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 2001. № 11. С. 166–170.

Филитов А. В. Новейшая история России: 1945–2006: Книга для учителей. М., 2007.

Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании: 1941–1990. М., 2009. 331 с.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. 229 с.

Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергетика. 1939–1956. Новосибирск, 1997. 626 с.

Шейдлин А. Е. Проблемы новой энергетики. М., 2006. 427 с.

Экономическая история мира: В 6 т. / Под ред. М. В. Конотопова. М., 2008. Т. 4. 384 с.

Материал поступил в редколлегию 25.03.2012

I. S. Kuznetsov

**THE EVOLUTION OF STALIN'S MOBILIZATION MODEL:
PROBLEMS OF STUDY. PAPER 1**

This article is devoted to main streams and evolution of stalin's model of social mobilization. The ground circle of howe and foreign publicacions is analysed for expose different points of view on this problem. Main attention is concentrate of evolution of Stalinism alter war. It's drawing attention to harrow-mindedness of concept of «apotheosis of totalitarism» in this period. Howeever saying concevhs about of «late» Stalinism.

Keywords: Stalinism, mobilization model, evolution, «apotheosis of totalitarism».